

Харлампович К. В. [Рец. на:] Глубоковский Н. П., проф. Высокопреосвященнейший Смарагд [Крыжановский], архиепископ Рязанский († 1863, XI, 11), его жизнь и деятельность. С 7 портретами и 3 автографами. СПб., 1914 // Богословский вестник 1917. Т. 1. № 1. С. 166–173 (2-я пагин.).

водитъ стихъ изъ эпиграммы Аполлониды: „Если же больше, о боже, ты дашь, то и больше получишь“. Или на стр. 60: „обнажалъ“ вмѣсто „обнаруживалъ“.

Въ общемъ, изслѣдованіе Б. Л. Богаевского вноситъ много новаго въ дѣло изученія религіозной жизни Греціи. Это—серьезная, вдумчивая работа. За послѣдніе годы въ области исторіи античныхъ религій не появлялось ни одного русскаго изслѣдованія, которое, по важности предмета, широтѣ взгляда и самостоятельности научной мысли, можно было бы поставить наравнѣ съ этой книгой.

Евг. Кагаровъ.

III.

Проф. Н. Н. Г л у б о к о в с к і й. Высокопреосвященный Смарагдъ (Крыжановскій), Архіепископъ Рязанскій († 1863, XI, 11): его жизнь и дѣятельность. Съ 7 портретами и 3 автографами. С.-Пб. 1914.

Названная книга дважды премирована: Императорская Академія Наукъ удостоила ее большой награды имени графа Уварова, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ—преміи имени Карпова. Уже это обстоятельство заставляетъ думать, что новое изслѣдованіе проф. Глубоковскаго представляетъ крупный вкладъ въ науку. И, дѣйствительно, оно является очень цѣнной работой какъ со стороны содержанія, такъ и въ отношеніи методовъ обработки историческаго матеріала.

О степени содержательности труда, о многосторонности изслѣдованія даетъ уже представленіе планъ его. Сочиненіе распадается на двѣ части, посвященныя а) хронологическому обзору жизни святителя и б) систематическому обзорѣню его дѣятельности.

Часть 1-ая начинается „общимъ предвареніемъ“, въ которомъ выясняется „значеніе біографіи пр. Смарагда (Крыжановскаго)“, человѣка съ „крайне оригинальнымъ и своеобразнымъ характеромъ“ и съ „не менѣе оригинальной, несравнимой и во многомъ неразгаданной, почти таинственной“ дѣятельностью, притомъ причастною къ важнѣйшимъ церковнымъ событіямъ первой половины XIX ст. (стр. 1). *Глава первая* (2—25) повѣствуетъ о происхожденіи и обученіи Александра (въ монашествѣ Смарагда) Крыжановскаго въ кievской и петербургской дух. академіяхъ, о бакалавр-

ской службы въ послѣдней, объ инспекторской въ кievской академіи, о ректорствѣ, кievской и вiѳанской семинаріяхъ въ въ кievской и петербургской академіяхъ, обнимаемая время съ 1796 г. по 1831 г. Особое приложеніе къ этой главѣ (стр. 26—70) подробно разбираетъ вопросъ о происхожденіи Смарагда Крыжановскаго, въ виду существующаго убѣжденія, что онъ былъ родомъ изъ евреевъ, — убѣжденія, которое самъ же святитель поддерживалъ заявленіемъ: „мой дѣдъ былъ еврей, отецъ іерей, а я архіерей...“ *Глава вторая* (71—166) излагаетъ исторію святительскаго служенія Смарагда въ 1831—1837 гг. сначала въ качествѣ ревельскаго викарія петербургской епархіи и потомъ—архіепископа полоцкаго и виленакаго. Наибольшій интересъ этой, весьма богатой содержаніемъ, главы заключается въ изображеніи и оцѣнкѣ воссоединительной дѣятельности пр. Смарагда, который для того и былъ посланъ въ Полоцкъ, но встрѣтилъ массу препятствій и не только со стороны мѣстныхъ униатовъ и католиковъ, но и со стороны гражданскихъ властей и даже того центрального правительства, которое командировало его въ Бѣлоруссію. *Глава третья* (167—237) трактуетъ о святительскомъ служеніи архіеп. Смарагда въ Могилевѣ (1837 — 1840) и Харьковѣ (1840 — 1841). *Глава четвертая* (238—288) посвящена изображенію дѣятельности Смарагда въ Астрахани (1841 — 1844), Орлѣ (1844 — 1858) и Рязани (1858—1863). Особымъ приложеніемъ къ ней является „Дѣло священника Іоанна Семова съ Орловскимъ епархіальнымъ начальствомъ при архіеп. Смарагдѣ Крыжановскомъ“ (289—326), рисующее обстановку дѣятельности русскаго провинціального архіерея, противъ котораго возстали вліятельныя петербургскія сферы...

Во второй части, представляющей разборъ „главнѣйшихъ обвиненій“ противъ архіеп. Смарагда, тоже четыре главы.

Глава первая (332—373) выдвигаетъ на первый планъ „самое важное и ходячее“ обвиненіе, питающее собою самыя „фантастическія легенды“, которыми и само оно поддерживается,—обвиненіе во взяточничествѣ и корыстолюбіи. *Глава вторая* (374—421) изображаетъ административно-служебныя отношенія архіеп. Смарагда съ губернаторами, его личную жизнь и священнослужебную практику, черты личнаго характера и внѣшняго обращенія съ духовенствомъ: все это

подвергается пересмотру въ виду двойственного характера свидѣтельствъ о разныхъ сторонахъ дѣятельности и отношеній святителя и къ гражданской власти и къ подчиненному духовенству. *Глава третья* (122—480) пересматриваетъ вопросъ о дѣятельности преосв. Смарагда по присоединенію униатовъ къ православію въ Полоцкомъ краѣ (1833—1837). Пересмотръ этотъ вызванъ несправедливымъ, по автору, отношеніемъ къ этой дѣятельности исторической науки, которая осудила способъ дѣйствій Смарагда, вполне одобрявъ методъ инициатора воссоединенія, преосв. Іосифа Сѣмашка. *Глава четвертая* (481—503) даетъ картину педагогической дѣятельности Смарагда, отношеній его къ наукѣ и къ людямъ ученымъ, а также „проповѣдничества его — по извѣстіямъ и сохранившимся образцамъ“. Въ этой главѣ подведенъ и итогъ всему изслѣдованію: въ жизни и дѣятельности преосвященнаго были „темныя точки и даже пятна“, но „всѣ отрицательныя стороны вовсе не заслоняютъ важныхъ историческихъ заслугъ Смарагда, а только очерчиваютъ индивидуально и таксируютъ исторически“. „Смарагдъ былъ человекъ съ слабостями и недостатками, но — святитель вѣрный, усердный, выдающійся среди видныхъ русскихъ архипастырей XIX вѣка. Онъ работалъ энергично на нивѣ народной, и его напряженный трудъ въ достаточной степени послужилъ на пользу православія и духовнаго развитія въ Россіи“ (501—503).

Къ изслѣдованію проф. Глубоковскаго даны въ видѣ приложенія а) библиографія трудовъ о Смарагдѣ и настоящаго сочиненія (504—539), б) замѣчанія о портретахъ пр. Смарагда (540—544), в) дополненія и поправки (549—556).

Таковъ общій планъ книги проф. Глубоковскаго, дающій въ нашемъ изложеніи только приблизительное представленіе объ обиліи точекъ зрѣнія, устанавливаемыхъ авторомъ на Смарагда и его дѣятельность, и фактовъ, привлекаемыхъ къ освѣщенію и главнаго предмета изслѣдованія и сопровождающихъ его обстоятельствъ. Богатство содержанія обусловливается количествомъ использованнаго матеріала, о чемъ можетъ свидѣтельствовать такая справка: авторъ извлекъ данныя изъ 22 архивовъ общественныхъ и изъ нѣсколькихъ частныхъ, кромѣ печатныхъ матеріаловъ и статей объ архіеп.

Смарагдъ и его эпохи. Одинъ перечень всѣхъ этихъ источниковъ и пособій занимаетъ до 35 страницъ.

Опираясь на этотъ обильный матеріалъ и пользуясь въ совершенствѣ научными методами, проф. Глубоковскій далъ и обстоятельное, и объективное, и цѣльное представленіе о всемъ героѣ. Правда, его книга можетъ показаться лишеной полнаго безпристрастія. Но это потому только, что имѣя дѣло съ личностью „пререкаемую“, еще при жизни давшей поводъ для созданія всякаго рода легендъ, авторъ по необходимости долженъ былъ произвести какъ бы судебное обслѣдованіе и разбирательство, и хотя во многомъ онъ оправдываетъ подсудимаго, но обѣляетъ его не вполне. Книга проф. Глубоковскаго не апологія Смарагда, а — „неумытный судъ исторіи“, по его собственному выраженію, съ которымъ нельзя не согласиться. И если нѣкоторыя утвержденія автора кажутся спорными, то нельзя не отдать ему справедливости, что онъ все сдѣлалъ, чтобы выяснитъ темный вопросъ, что онъ не скрылъ ни одного извѣстнаго ему факта, который противорѣчитъ его мнѣнію или можетъ быть противопоставленъ ему.

Въ такомъ положеніи находится, напр., вопросъ объ еврейскомъ происхожденіи Смарагда, сдѣлавшемся, можно сказать, общимъ мѣстомъ въ исторіи. Вопросу этому пр. Глубоковскій посвятилъ нѣсколько десятковъ страницъ и хотя пришелъ къ отрицательному выводу, но выразилъ его въ формѣ въ высшей степени осторожной: съ генеалогической стороны еврейское происхожденіе архіеп. Смарагда (Крыжановскаго) ничуть не обезпечено прочно и вообще держится больше на давнемъ и распространенномъ преданіи, которое, дѣйствительно, упорно, но далеко не ясно и могло быть предубѣжденіемъ или недоразумѣніемъ“ (стр. 37—38; ср. 2, 3). Но, съ другой стороны, авторъ признаетъ, что „защитники русской родovitости Смарагда и его фамиліи пока еще не доказали незыблемо этого тезиса генеалогически“ (44). Одинъ критикъ (проф. С. Т. Голубевъ) нашелъ, что авторъ все же не поколебалъ традиціоннаго мнѣнія о еврейскомъ происхожденіи Смарагда, и въ противовѣсъ его соображеніямъ онъ выдвигаетъ свои, особенно же сильное—свидѣтельство товарищей Смарагда по кievской академіи, что его звали „Выкрестомъ“. „Все это, пишетъ критикъ, вмѣстѣ взятое въ иной концеп-

ціи, чѣмъ какая наблюдается у автора, и въ равномерномъ освѣщеніи данныхъ, имѣющихъ отношенія къ трактуемому вопросу, не можетъ не привести къ заключенію, имѣющему наибольшую вообще очень высокую степень вѣроятности—*заключенія объ еврейскомъ происхожденіи Смарагда* (Церк. Вѣд. 1916, № 28, стр. 704—706). Но если только вѣроятность, а не увѣренность, то и проф. Глубоковскій не можетъ быть даже заподозриваемъ въ тенденціозномъ представленіи дѣла: не предубѣжденный въ пользу той или другой теоріи, онъ клалъ на чашку вѣсовъ всѣ pro и contra, ни одного не замалчивая и тщательно наблюдая за стрѣлкой, что она покажетъ...

Точно также проф. С. Т. Голубева не удовлетворила и веденная авторомъ защита памяти архіеп. Смарагда отъ обвиненій въ корыстолюбіи и взяточничествѣ, и потому именно, что „и боги бывшее не могутъ сдѣлать не бывшимъ“ (Церк. Вѣд. 1916, № 31, 789). Но критикъ не скрываетъ, что посвященная реабилитациі Смарагда глава сочиненія, „вооруженная многими данными, весьма искусно скомбинированными, представляетъ блестящую защиту“ архіепископа. Это, дѣйствительно, такъ. Н. Н. Глубоковскій разсмотрѣлъ въ ней многіе вопросы: онъ анализировалъ съ точки зрѣнія достоверности тѣ источники, изъ которыхъ исходили слухи о скверномъ любостыжаніи Смарагда, привелъ на справку размѣръ оставшихся послѣ него суммъ (111 т.), расположивъ по годамъ вклады въ сохранную казну, и сравнилъ весь капиталъ съ наслѣдствами другихъ архіереевъ и профессоровъ духовныхъ академій, потому что Смарагдъ могъ скопить при своей бережливости гораздо болѣе, совсѣмъ не прибѣгая къ взяткамъ. Но авторъ не отрицаетъ взяточничества Смарагдова секретаря Бончъ-Бруевича, о которомъ архіерей или не зналъ или котораго не сумѣлъ во время обуздать. Его-то сребролюбіе и покрыло тѣвью память преосвященнаго... Я лично отнюдь не склоненъ считать Смарагда Крыжановскаго безсребренникомъ, но послѣднее объясненіе легенды о крайнемъ сребролюбіи его готовъ принять и раздѣлать. Я самъ знаю одного архіерейскаго секретаря, который немилосердно бралъ съ просителей, *продавая* имъ вакантныя мѣста и иногда за одинъ и тотъ же приходъ взимаемая съ 3—4 конкурентовъ. Понятно, что онъ ронялъ тѣнь

на своего патрона, архіепископа добрѣйшаго и нестяжательнѣйшаго (Доната Бабинскаго).

Огромный интересъ книгъ проф. Глубоковскаго придаетъ и попытка—очень удачная, на мой взглядъ—реабилитировать дѣятельность Смарагда по воссоединенію униатовъ въ Полоцкой епархіи. Доселѣ она освѣщалась односторонне и въ смыслѣ неблагопріятномъ для Смарагда. Тонъ для такой оцѣнки данъ былъ несомнѣнно инициаторами и защитниками другой системы дѣйствованія по отношенію къ униатамъ—м. Іосифомъ Сѣмашкомъ и его ближайшими сотрудниками—униатскими же епископами Василиемъ Лужинскимъ и Антоніемъ Зубкомъ. Сущность того плана воссоединенія, какой они отстаивали, заключалась въ слѣдующемъ: литовско-бѣлорусскихъ униатовъ можно и должно подготовить къ сближенію и соединенію съ православною церковію постепенно, путемъ переустройства, согласно правиламъ греко-восточной церкви, униатскихъ храмовъ и преобразования богослужебнаго чина, чрезъ перевоспитаніе народа, а еще болѣе униатскаго духовенства, за которымъ народъ слѣпо пойдетъ. „Постепенно и незамѣтно“—вотъ лозунгъ этой системы. Вопреки ей, преосв. Смарагдъ не только не уклонялся отъ немедленнаго присоединенія отдѣльныхъ приходоу, того желавшихъ, но и самъ поощрялъ и вызывалъ частныя обращенія униатовъ цѣлыми деревнями и приходами, въ чемъ видѣлъ наилучшее средство для подготовки общаго воссоединенія. Такъ какъ такого рода дѣйствія Смарагда, даже помимо тѣхъ эксцессовъ, какими иногда сопровождались, вызывая взрывы фанатизма съ одной стороны и употребленіе военной силы съ другой,—такъ какъ помимо того шли въ разрѣзъ съ планомъ пр. Іосифа и ослабляли его значеніе, то отсюда понятно отрицательное отношеніе къ системѣ Смарагда какъ самого еп. Сѣмашка, такъ и его сторонниковъ и даже исторической науки: ея адепты на сторонѣ Іосифа именно. Авторъ самой послѣдней работы на эту тему, о. прот. Шавельскій, поставивъ вопросъ: „Чего больше принесло четырехлѣтнее пребываніе въ Полоцкѣ безусловно умнаго, крѣпко вѣрующаго и энергичнаго пр. Смарагда: пользы или вреда?“—таковъ: „Намъ думается, что оно принесло больше вреда, что не будь этой кипучей четырехлѣтней смарагдовской дѣятельности, воссоединеніе ранѣе и спокойнѣе совер-

шилось бы, а враги православной русской церкви имѣли бы гораздо менѣ поводовъ и основанийъ къ тому, чтобы обвинять ее въ допущеніи при воссоединеніи насильственныхъ мѣръ" (Послѣднее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ бѣлорусской епархіи (1833 — 1839). С.-Пб., 1910, стр. 236—241).

Но проф. Глубоковскій, усмотрѣвъ, что въ данномъ случаѣ „наука“ повторяетъ тѣ взгляды на пути воссоединенія, которые такъ настойчиво теоретически и практически проводилъ Іосифъ Сѣмашко, пришелъ къ убѣжденію, что „равная историческая справедливость должна быть оказана и другому работнику путемъ соотносительной оцѣнки“. Произведя ее, онъ призналъ „историческую условность обоихъ теченій“ и крайности системы Смарагда объяснилъ отнюдь не недостатками его характера или непониманіемъ имъ исторической обстановки. Крайностей не былъ чуждъ и инициаторъ другой системы... Н. Н. Глубоковскій, расходясь съ принятымъ въ наукѣ взглядомъ, сталъ на точку зрѣнія архіеп. Смарагда, что необходимо было „возможно шире и интенсивнѣе развивать политику отдѣльныхъ обращеній“, чѣмъ „неуклонно расшатывалось самое существованіе униатской церкви, которая, лишаясь своихъ сочленовъ, должна была поглотиться въ православіи, отдавъ упорныхъ кѣтоличеству“ (121, 440). Это воззрѣніе авторъ и проводитъ въ своей книгѣ и аргументируетъ его вполнѣ, на мой взглядъ, доказательно и убѣдительно. Во всякомъ случаѣ, тѣ соображенія, которыя можно здѣсь высказать по спорному вопросу, или укрѣпляютъ эту позицію или даютъ новое оружіе противъ сторонниковъ противоположнаго лагеря.

При выясненіи историческаго значенія пр. Смарагда въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ Н. Н. Глубоковскій не ограничился только изученіемъ мѣстныхъ архивовъ и церковно-исторической литературы касательно даннаго лица и соответствующаго момента. Онъ продолжилъ его изученіемъ послѣдствій воссоединенія униатовъ, чтобы еще рельефнѣе выставить сравнительную законность дѣйствій Смарагда и оправдать ихъ будущимъ такъ же, какъ ихъ оправдывало прошедшее. Наряду съ этимъ поставленіемъ дѣла и личности Смарагда въ историческую перспективу, работу проф. Глубоковскаго съ методологической стороны отличаютъ тон-